

В. В. Казаковская, И. Балчюнене

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, Vytautas Magnus University, Каунас

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПОВТОРЫ РЕПЛИК В РУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ИНПУТЕ (К ПРОБЛЕМЕ ИЗБЫТОЧНОСТИ)

1. Вступительные замечания

Пожалуй, не существует более интригующей темы в проблематике изучения речевого онтогенеза, чем речь взрослого, обращенная к ребенку. Ее роль в усвоении языка — это тот краеугольный камень, который лежит в основе многочисленных теорий онтогенеза и сопряжен с решением вопроса о природе языковой способности — ее врожденном или приобретенном характере [Ambridge, Lieven 2011]. Исследования **инпута** (*input, child-directed speech, motherese*), начатые почти полвека назад Ч. Фергюсоном [Фергюсон 1975; Ferguson 1978] и способные пролить свет на эту проблему, на современном этапе развития мировой онтолингвистики насчитывают в своем арсенале более тридцати языков. Доказано, что речь взрослого (*caregiver*) ситуативна, синтаксически проста, грамматически правильна, адаптирована к уровню языкового и когнитивного развития ребенка и — более того — «настроена» на него (*fine-tuning*): см., в частности, коллективные монографии, посвященные различным аспектам инпута [Snow, Ferguson (eds.) 1977; Gallaway, Richards 1994; Kern et al. (eds.) (in press)]. Описан ряд фонетических, лексических и грамматических особенностей, отличающих этот регистр от других [Snow 1972; 1995; 2014; Rowe 2012], а также отдельные характеристики коммуникативных стилей взрослых, пути языковой социализации в различных культурах мира и, соответственно, в практиках общения с маленькими детьми [Ochs, Schieffelin (eds.) 1986; Ochs, Schieffelin 1995; Lieven 1994; Tulviste 2002; Johnston, Wong 2002; Hoff 2006; Dale et al. 2015]¹. Между тем одна из наиболее ярких особенностей инпута — его **избыточность**, — как кажется, еще не являлась предметом специального лингвистического анализа, в том числе выполненного в контрастивном аспекте.

---

¹ Обсуждение проблемы и более полную литературу вопроса см., в частности, в [Воейкова 2004; Казаковская 2011: 25–46; Казаковская 2013: 271–272].

В настоящей работе предпринимается попытка сопоставительного описания данного феномена на материале двух морфологически богатых флективных языков — русского и литовского. В частности, предварительные исследования русского инпута показали, что основной причиной, создающей избыточность, оказываются реплики-повторы взрослого [Казаковская 2012]². Повторы взрослым предшествующего детского либо собственного высказывания являются неотъемлемым компонентом диалога «взрослый — ребенок» [Цейтлин 2001; Казаковская 2011], однако не составляют необходимую часть общения взрослых носителей языка. Напротив, их употребление противоречит одному из постулатов успешной коммуникации Грайса (1985), заключающемуся в том, чтобы не говорить лишнего. И если повторы возникают в спонтанном дискурсе, то, как правило, их использование отягощено прагматически³.

В статье рассматриваются структурные и прагматические характеристики повторов, зафиксированных в самом распространенном типе реплик взрослого. В диалоге с маленьким ребенком ими оказываются **вопросы** [Казаковская 2004, 2007, 2011: 58–63, 220–268]. Единицей исследования являются, как правило, диалогические единства, включающие высказывание ребенка и следующую за ним вопросительную реплику взрослого с тем или иным элементом повтора реплики предыдущей. В данной позиции вопросительные реплики являются **реактивными**:

(1) 2;0⁴

Ребенок: *Važiuosiu* ‘Поеду.’

Взрослый: *Vėl važiوسي?* ‘Опять поедешь?’

Вопросы, функционирующие как первые реплики в единстве и начинающие новую тему или микротему, принадлежат к числу **инициативных**⁵:

---

² Избыточность вопросительных реплик взрослых носителей языка рассматривается в [Казаковская 2010a].

³ Функции повторов в разговорной речи неоднократно становились предметом внимания лингвистов: см., например, [Шведова 1956; 1960; Арутюнова 1992].

⁴ Возраст ребенка — два года.

⁵ Опыт функционально-семантического анализа инициативных вопросительных реплик взрослого и их роль в становлении различных компонентов коммуникативной компетенции ребенка представлены, в частности, в [Казаковская 2007; 2011; 2013].

- (2) 2;0
Взрослый: *Здравствуй! Как дела?*⁶
Ребенок: *Доудом@unclear.*
- (3) 2;4
Взрослый: *Ну что, еще йогурта дать?*
Ребенок: *Еще не съел.*

В нашей работе инициативные вопросительные реплики привлекаются к обсуждению только при анализе диалогических единств, превышающих объем единств минимальных, — с целью адекватной интерпретации реактивной реплики взрослого (см., в частности, далее примеры (17), (21), (22), (53)).

Результаты кросс-лингвистических исследований реактивных реплик взрослого (*recasts, reformulations*), выполненные в свете проблемы так наз. **отрицательного инпута** (*negative input, negative evidence* [Demetras et al. 1986; Saxton 1997; Saxton et al. 1998; 2005; Chouinard 2003]), показали, что коммуникативные тактики носителей немецкого (австрийского), французского, литовского и русского языков различаются. Так, французским и немецким взрослым было свойственно преимущественное использование невопросительных реплик [Dressler et al. 2006; Kilani-Schoch et al. 2008], тогда как в русском и литовском инпуте доминировали вопросы, составившие в среднем около 62 % от числа всех высказываний (рус. ≈ 52 %; лит. ≈ 72 %) [Казаковская 2010b; 2013; Казаковская, Балчюниене 2011; Kazakovskaya (in press) b; Kazakovskaya, Balčiūnienė 2012a;b]. Очевидные сходства и различия в коммуникативном поведении взрослых поднимают вопрос об их причинах — типологических, ареальных, культурно обусловленных, социально-экономических и, как показывают новейшие экспериментальные исследования, генотипических [Dale et al. 2015].

Наконец, предваряя описание корпусных данных и основ сопоставительного анализа русского и литовского инпута, подчеркнем, что изучение различных аспектов этого регистра на материале исследуемых языков началось недавно [Цейтлин 2000: 24–35; Цейтлин 2001; Гаврилова 2002; Воейкова 2015: 241–268;

⁶ Здесь и далее для облегчения восприятия русскоязычного иллюстративного материала используется кириллица (ср. [MacWhinney 2000]).

Казаковская 2010b; Казаковская 2011; Wójcik 1994; Savickienė 1997; Balčiūnienė 2009; Kamandulytė 2009]. В целом результаты согласуются с тем, что известно об инпуге в других языках (см. выше), но вместе с тем выявлены и специфические черты. Например, в фонетическом облике **раннего** русского инпута — речи, обращенной к младенцу (*infant-directed speech*), были отмечены интонационные игры, построенные на контрасте громкости, основного тона и темпа [Гаврилова 2002].

2. Корпус данных

Как упоминалось, исследование выполнено на материале двух индоевропейских языков, принадлежащих так наз. балто-славянской языковой общности, — русского и литовского. В настоящее время анализируемые корпуса являются самыми репрезентативными (см. *high density corpora*) для каждого из языков. К анализу привлечены лонгитюдные видео- и аудиозаписи речевого взаимодействия взрослых с монолингвальными типично развивающимися детьми второго — третьего лет жизни (1;8–2;8). Русский корпус представлен, главным образом, диалогами мальчика (Вани) с его бабушкой (34 часа, 131 552 словоупотребления (*tokens*)); литовский — диалогами девочки (Моники) и ее мамы (27 часов, 120 310 словоупотреблений). Спонтанная речь была расшифрована, затранскрибирована и морфологически закодирована согласно правилам международной системы обмена данными CHILDES (Child Language Data Exchange System) [MacWhinney 2000]⁷.

Русский мальчик родился в интеллигентной петербургской семье. Записи осуществлялись несколько раз в месяц в домашней обстановке — в привычных для ребенка ситуациях кормления, купания, игры, рисования или чтения книги. С той же частотностью и в тех же естественных условиях записывалась речь литовской девочки из Каунаса. В общении с ней оба родителя — на ту пору студенты

---

⁷ Литовский корпус собран и закодирован матерью ребенка — И. Балчюнене; русский корпус собран бабушкой ребенка — Е. К. Лимбах, морфологическое кодирование высказываний выполнено ею совместно с М. И. Аккузиной (под рук. Н. В. Гавриной [2008]).

Мы благодарим всех коллег, принимавших участие в сборе и разметке данных, а также профессора Э. Генюшене за консультирование в ходе анализа литовского языкового материала.

университета — использовали литовский литературный язык, в то время как при общении друг с другом — его севернопаневежский диалект.

Для проводимого исследования существен не только биологический, но и «языковой» возраст детей, одним из показателей которого является средняя длина высказывания в словах (СДВ, ср. *MLU (in morphemes)*). За время наблюдений СДВ в речи обоих информантов последовательно увеличивается: с 1,008 до 2,198 в речи русского ребенка и с 1,285 до 2,468 — в речи литовского (Таблица 1).

Таблица 1. Средняя длина высказывания детей (в словах)

Возраст	Русский корпус	Литовский корпус
1;8	1,008	1,285
1;9	1,004	1,364
1;10	1,007	1,431
1;11	1,016	1,424
2;0	1,032	1,729
2;1	1,135	1,739
2;2	1,737	1,792
2;3	1,949	1,611
2;4	1,949	1,687
2;5	1,658	1,790
2;6	1,757	2,121
2;7	2,043	2,198
2;8	2,198	2,468

Следует упомянуть также, что третий год жизни детей характеризуется регулярным использованием существительных и появлением первых падежных оппозиций и **минипарадигм**, в терминах теории естественной морфологии, разрабатываемой В. У. Дресслером (см., в частности, [Dressler 2007]). Однако наиболее значимым в это время является возникновение глагола, считающегося своего рода катализатором для последующего онтогенеза детской грамматики [Гагарина 2008: 87]. В связи с этим выбранный для сопоставления период охватывает промежуток времени от момента спорадического появления глагольных форм (в том числе «замороженных» (*frozen forms*) и ономотопей) до их весьма активного употребления, иными словами, от стадии **преморфологии** со

свойственными ей экстраграмматическими операциями до этапа **протоморфологии**, в течение которого происходит начальное овладение морфологическими правилами, предполагающее образование глагольных минипарадигм. Освоение **конвенциональной** морфологии, подразумевающее знание не только основных, но и периферийных правил грамматики, в сфере глагола происходит позже.

Сопоставление русского и литовского корпусов производилось на основе сбалансированной выборки: из записей, сделанных в каждом месяце, было извлечено по 300 вопросительных реплик-реакций взрослого, содержащихся в одном (произвольно выбранном) фрагменте транскрипции. В русском инпуде они составили около 52 % от числа всех высказываний взрослого, в литовском — почти 72 %. При этом доля повторов (%) от анализируемого количества вопросительных реплик в русском инпуде превышала соответствующий показатель в литовском (Таблица 2).

Индексы, показывающие соотношение количества вопросов разного типа и частотности их использования, представляют собой вполне сопоставимые величины — причем как в статическом (рус. — $0,072 \pm 0,15$, лит. — $0,099 \pm 0,011$), так и в динамическом аспектах: см., например, данные индексы в 2;0 и в 2;8 (Таблица 3). Вычисляемый таким образом индекс (в другой терминологии, индекс тривиальности) свидетельствует о той или иной степени разнообразия в выражении определенного языкового феномена (ср. также *type / token ratio* — *TTR*). В анализируемом материале высокий индекс указывает на существенное разнообразие вопросительных реплик в речи русского и литовского взрослых.

Для проведения количественных подсчетов реплики-повторы были дополнительно (по отношению к морфологической разметке) закодированы в структурном и прагматическом аспектах, к обсуждению которых мы приступаем⁸.

* * *

---

⁸ Впоследствии предполагается учесть и невопросительные реплики-повторы взрослого. По предварительным данным, их число в исследуемых корпусах невелико, но тем не менее лишь в этом случае результаты сопоставительного анализа реактивных повторов могут считаться исчерпывающими. Синтаксическое кодирование вопросительных реплик и соответствующие подсчеты выполнены И. Балчюнене.

Таблица 2. Анализируемые данные

Возраст		Количество вопросов	% от числа всех реплик	Количество повторов	% от 300 реплик-вопросов
1;8	Р	1 567	45,4	43	14,3
	Л	1 744	69,7	46	15,3
1;9	Р	981	43,9	45	15,0
	Л	1 963	65,8	51	17,0
1;10	Р	977	56,0	46	15,3
	Л	1 853	70,0	44	14,6
1;11	Р	1 118	50,4	39	13,0
	Л	3 238	91,4	51	17,0
2;0	Р	931	46,5	41	13,6
	Л	1 573	62,5	46	15,3
2;1	Р	1 485	59,6	71	23,6
	Л	3 151	85,7	34	11,3
2;2	Р	1 058	55,0	86	28,6
	Л	1 073	90,7	46	15,3
2;3	Р	1 187	55,5	97	32,3
	Л	2 360	42,5	37	12,3
2;4	Р	1 020	58,9	81	27,1
	Л	1 288	79,0	43	14,3
2;5	Р	1 115	53,7	91	30,3
	Л	2 343	69,7	36	12,0
2;6	Р	1 057	58,5	79	26,3
	Л	1 444	65,5	34	11,3
2;7	Р	871	47,9	98	32,6
	Л	1 272	70,1	47	15,6
2;8	Р	978	42,5	115	38,3
	Л	1 140	72,0	30	10,0
Всего	Р	14 345	51,8	932	23,9
	Л	24 442	71,9	545	13,9

Р – русский корпус; Л – литовский корпус

Таблица 3. Разнообразие вопросительных реплик в инпуте

Возраст	Русский корпус	Литовский корпус
1;8	0,063	0,093
1;9	0,060	0,080
1;10	0,067	0,083
1;11	0,043	0,063
2;0	0,073	0,070
2;1	0,070	0,067
2;2	0,081	0,067
2;3	0,077	0,063
2;4	0,087	0,063
2;5	0,073	0,09
2;6	0,06	0,083
2;7	0,09	0,077
2;8	0,103	0,093
М	0,072	0,099
SD	±0,15	±0,011

3. Основания для структурной и прагматической дифференциации повторов

3.1. Структурные типы повторов

В качестве основы для анализа вопросительных реплик-повторов использовалась классификация реакций взрослого, предложенная в кросс-лингвистическом проекте «Пре- и протоморфология в усвоении языка» [Dressler et al. 2006; Kilani-Schoch et al. 2008] и дополненная с учетом результатов изучения диалога «взрослый — ребенок», полученных на материале русского языка [Казаковская 2004; Казаковская 2010b; Казаковская 2011: 220–268; Казаковская 2013]. В частности, принимались во внимание такие разновидности повторов, как **эхо-повтор**, **фокусированный** повтор и **модифицированный** повтор (то есть повтор, осложненный другими структурными элементами). Поясним и проиллюстрируем каждую из разновидностей, оценивая при этом «удельный вес» избыточности, определяя функцию ее создающего повтора и степень оправданности последнего в рамках диалогического единства.

3.1.1. Эхо-повторы (буквальные повторы) взрослого предполагают практически абсолютное воспроизведение предыдущей реплики ребенка с вопросительной интонацией:

(4) 1;10

Ребенок: *Тетя* [tjatja]⁹.

Взрослый: *Тетя?*

(5) 2;1

Ребенок: *Senelis* [šenelis] *eina*. 'Дедушка идет.'

Взрослый: *Senelis eina?* 'Дедушка идет?'

Очевидная избыточность реплик в обоих случаях (4)–(5) оправдана тем, что на ранних этапах речевого развития ребенка с помощью подобных эхо-повторов, как правило, «шлифуется» несовершенная детская фонетика [Гвоздев 1961] и/или уточняется смысл произнесенного.

3.1.2. Модифицированные повторы включают три разновидности повторения реплики или ее отдельных элементов — расширение, реформуляцию и коррекцию.

1. Повторы-**расширения** возникают в ситуации, когда взрослый значительно дополняет сказанное ребенком: помещает то, о чем шла речь, в более широкий контекст:

(6) 2;1

Sit: *Ваня увидел лежащего кота.*

Ребенок: *Спать* [pat'].

Взрослый: *Киса спать лег?*

(7) 2;5

Ребенок: *Mama čia* [šia]. 'Мама здесь.'

Взрослый: *Mama čia turi daryti?* 'Мама здесь должна делать?'

Характер подобного расширения может быть как лексическим, так и грамматическим. Зачастую в речи взрослого структурно неполная детская реплика преобразуется в полноценное высказывание, в основе которого лежат повторяющиеся элементы. Избыточность

⁹ Здесь и далее в квадратных скобках указываются особенности произношения (в том случае, если они существенны для проводимого анализа).

в таких случаях минимальна, поскольку повтор становится необходимым условием создания ответной реплики и ее возможным диалогическим образцом (*pattern*) из так наз. зоны ближайшего развития (Л. С. Выготский) синтаксической компетенции ребенка.

2. Повторы-**реформуляции** охватывают ситуации своего рода редактирования детской реплики взрослым, ее приближения к тому, что, по мнению взрослого, хотел или должен был сказать ребенок:

(8) 1;11

Ребенок: Баба.

Взрослый: Бабушка?

(9) 2;2

Ребенок: Čia katinukas. ‘Здесь кот:DIM.’

Взрослый: Katinukas čia? ‘Кот:DIM здесь?’

Чаще всего реформулированию подвергается порядок слов, использованные ребенком специфически детские слова (*child-specific forms* — *CSF*) и диалектизмы (применительно к литовскому корпусу). К числу специфически детских принадлежат слова и выражения, изобретенные ребенком и/или употребляемые в семье (33), (48). Заметного семантического прироста (увеличения объема новой информации) при реформуляции не происходит. Степень, в которой проявляется избыточность, близка к наблюдаемой в эхо-повторах, но все же уступает ей.

3. Повторы-**исправления** содержат элемент коррекции — имплицитной или эксплицитной:

(10) 2;4

Ребенок: Вот эта еще *сломался¹⁰ [sʃamajsja] *нет*.

Взрослый: Эта еще не сломалась?

(11) 2;4

Ребенок: Aš noriu pati *eitis. ‘Я хочу сама *идти.INF.REFL.’

Взрослый: Ai, tu pati norėjai eiti? ‘А, ты сама хочешь идти.INF?’

---

¹⁰ Здесь и далее астериск (*) обозначает детскую ошибку.

Исправляя ошибку ребенка, взрослый с неизбежностью повторяет лексему, словоформу или конструкцию, которые были неправильными. В таком случае избыточность становится вынужденной и тем самым оправданной.

3.1.3. *Фокусированная реплика-повтор (фокус-повтор)* содержит не более одной (12) — двух (13) лексем из предшествующего высказывания ребенка, при этом не обязательно непременно ошибочных:

(12) 2;7

Ребенок: *Man švarios [švalios] rankos [lankos].* ‘У меня чистые руки.’

Взрослый: *Švarios?* ‘Чистые?’

(13) 2;7

Ребенок: *У меня короткие лапы.*

Взрослый: *Короткие лапы?*

Степень избыточности фокус-повторов зависит от того, к чему именно они «тяготеют». При их близости к эхо-повторам или к повторам-реформуляциям избыточность высока; в ситуации корректирования она, напротив, весьма незначительна. Между тем ни в одном из случаев избыточность не определяется количеством повторенных слов, полученным методом буквального подсчета.

3.2. *Прагматические функции повторов*

Основанием для прагматической классификации реплик-реакций является «фокус» внимания взрослого. Наблюдения показывают, что реактивная реплика может быть обращена как к форме (*metadiscursive reaction*) (14), так и к содержанию (*conversational reaction*) (15) детского высказывания [Dressler et al. 2006; Kilani-Schoch et al. 2008; Казаковская 2010b; Kazakovskaya (in press) b]:

(14) 2;7

Ребенок: *Сломался, почините [pitiniti] меня.*

а) Взрослый:

Ребенок: *Почини [pitini], Ваня.*

б) Взрослый: *А, «Почини меня, Ваня», он сказал, да?*

(15) 2;2

Ребенок: О, рябина.

Взрослый: Да, рябина красная. Красивая, да?

Иными словами, в первом случае — при выполнении репликой метадискурсивной функции (14) — реакция направлена на то, **как** именно ребенок произносит какое-либо слово или конструирует форму с точки зрения их соответствия языковой норме; во втором случае — при конверсационной функции реплики (15) — на то, о **чем** он говорит, то есть на соответствие детского высказывания реальному положению дел. Основная цель конверсационных реплик — поддержать диалог с ребенком, тогда как задача реплик метадискурсивных, напротив, — приостановить развитие темы и течение диалога, с тем чтобы сконцентрироваться на ошибке и, предоставив ребенку «контрастный контекст» [Saxton 1997], помочь избежать ее в будущем.

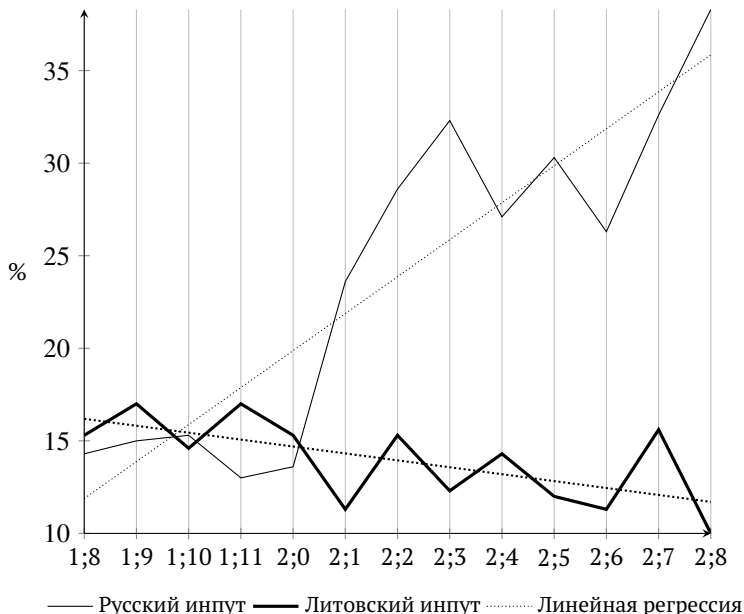
Таким образом, разработанное для настоящего исследования синтаксическое кодирование реплик допускает следующее соотношение структурных и прагматических разновидностей повтора. Поскольку фокусированные повторы и эхо-повторы могут быть реакцией на любую — как правильную (*adult-like*), так и ошибочную — реплику ребенка, они способны выполнять в раннем диалоге обе прагматические функции. В отличие от фокус- и эхо-повторов, за повторами-расширениями, реформуляциями и исправлениями закреплена одна функция — либо конверсационная (расширения, реформуляции), либо метадискурсивная (коррекции).

4. Результаты анализа и обсуждение

4.1. Вопросительные реплики-повторы в инпуте: общая динамика

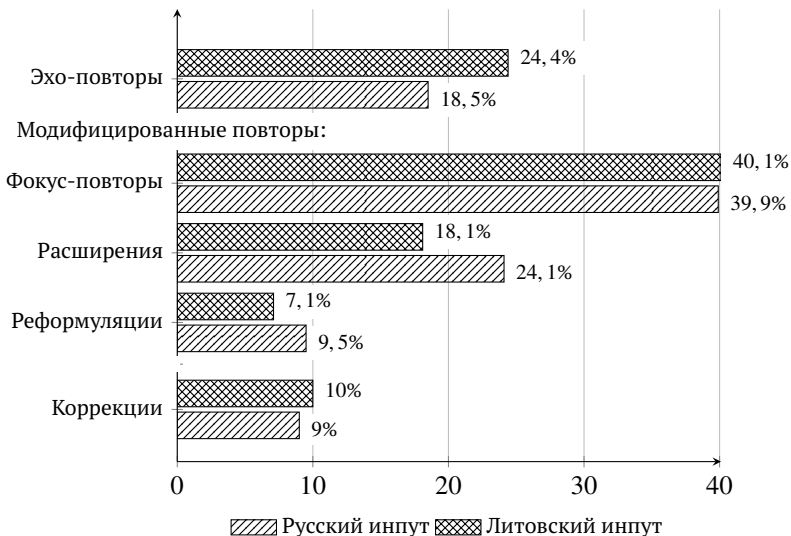
Как отмечалось ранее (Таблица 2), вопросительные реакции в обоих корпусах многочисленны (рус. — 51,8%, лит. — 71,9%), однако в русском инпуте доля повторов выше. Кроме того, при их практически одинаковом количестве в начале периода наблюдений к его концу частотность повторов в русском инпуте существенно увеличивается, тогда как в литовском — незначительно уменьшается (Диаграмма 1). Динамика снижения частотности повторов в речи литовского взрослого выглядит более плавной по сравнению со скачкообразным увеличением этого показателя в речи русского взрослого.

Диэг. 1. Динамика вопросительных повторов (% от всех вопросительных реакций)

В связи с полученными данными возникают вопросы, на которые мы постараемся ответить в ходе обсуждения результатов и подведения итогов. Во-первых, чем может быть обусловлена выявленная динамика в распределении повторов? В частности, насколько она зависит от характера «стимулирующей» реплики ребенка, а именно степени ее правильности? И — если детская реплика корректна (грамматически, лексически или фонетически) — какую функцию выполняет избыточный (с позиций нормативной грамматики диалога) повтор? Если же реплика неправильна, с какого типа ошибкой сталкивается взрослый? Во-вторых, целесообразно выявить распределение структурных и прагматических типов повтора на протяжении всего периода наблюдения. Полученная дистрибуция позволит определить не только доминирующие разновидности реакций взрослого, но и приблизиться к пониманию механизмов влияния инпута на складывающуюся языковую систему ребенка.

Диagr. 2. Распределение структурных разновидностей вопросительных повторов

4.2. Структурные типы вопросительных повторов

Результаты дистрибутивного анализа структурных типов повтора выявили сходные стратегии в частоте их употребления взрослыми, несмотря на упоминавшееся количественное расхождение. Так, в обоих случаях преобладают модифицированные разновидности повтора (рус. — 73 %, лит. — 65 %); на втором месте находятся эхо-повторы; на третьем — фокусированные повторы (Диаграмма 2). В свою очередь, в сфере доминирующих модифицированных повторов количественные предпочтения взрослых очевидны и также близки: лидируют повторы-расширения, за которыми следуют повторы-реформуляции и повторы-коррекции.

Полученные данные свидетельствуют о том, что и русские, и литовские взрослые склонны скорее видоизменить (то есть каким-либо образом модифицировать) реплику ребенка, чем продублировать ее — полностью или частично. Иными словами, структурно-семантическое расширение — дополнение реплики новыми элементами — оказывается более предпочтительным способом реакции, в отличие от реакций, не способствующих содержательно-му развитию диалога. В сфере, условно говоря, немодифицированной повторительной стратегии взрослого фокус-повторы уступают

место эхо-повторам. В наименьшей степени используются повторы, содержащие коррекцию.

4.3. Прагматические типы повторов

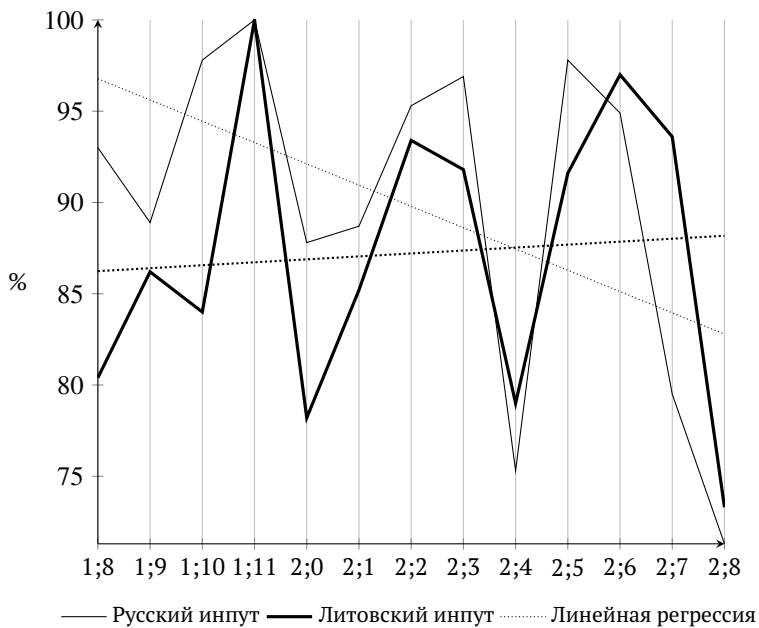
Анализ прагматических разновидностей реплик-повторов выявил существенное преобладание конверсационных реакций (рус. — 90 %, лит. — 87 %). Очевидно, на ранних этапах диалога для взрослого важнее поддержать ребенка как партнера в диалоге (см. собственно коммуникативные навыки¹¹) и продолжить общение, нежели строго следовать формальным (и во многом грамматически обусловленным) конвенциям: нарочито обучать ребенка языку и жестко контролировать соблюдение норм. Функциональные особенности использования повторов взрослыми-носителями рассматриваемых языков в целом сходны: к концу наблюдений конверсационные повторы идут на убыль (Диаграмма 3а), в то время как метаповторы, напротив, — увеличиваются (Диаграмма 3б). Мы склонны связывать это обстоятельство с изменением «ожиданий взрослого», см. подробнее [Казаковская 2010b, 2013: 290].

Сравнение общей динамики в функционировании повторов демонстрирует близость в коммуникативном поведении русского и литовского взрослых: налицо более плавная динамика в сфере конверсационных реакций и более резкая (скачкообразная) — в сфере метадискурсивных. Кроме того, совпадают «пики» частотности метаповторов, происходящие с определенной периодичностью в 2;0, 2;4 и 2;8.

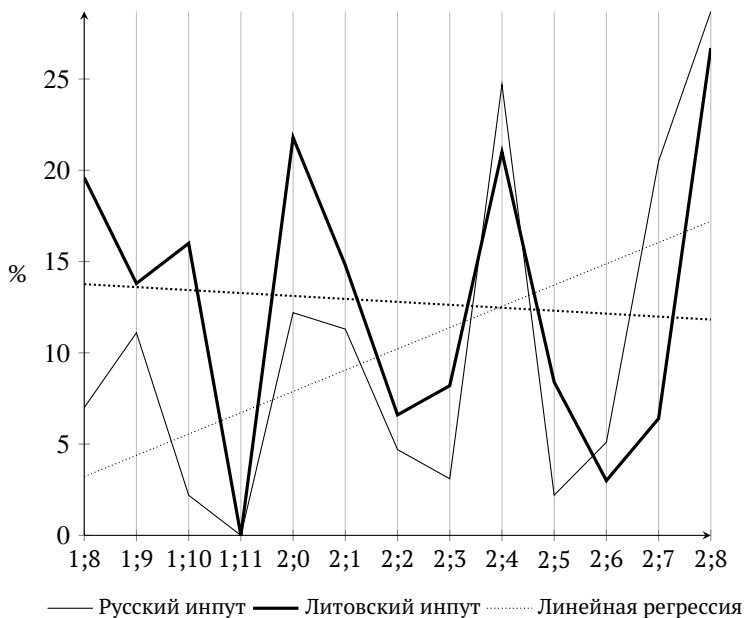
Можно предположить, что повышение частоты использования метадискурсивных реакций связано с изменением уровня развития различных компонентов коммуникативной компетенции ребенка. В частности, в возрасте 2;0 и 2;4 в речи обоих информантов возрастает общий индекс TTR (Диаграмма 4), показывающий соотношение грамматических форм (*types*) и количества их словоупотреблений (*tokens*) и свидетельствующий о качественном изменении морфологической компетенции. А кроме того, в 2;0 и 2;8 происходит заметное увеличение СДВ (Таблица 1), влекущее за собой становление межсловных связей и характеризующее развитие синтаксических навыков ребенка.

¹¹ Подробнее о дифференциации системно-языковых и собственно коммуникативных (диалогических) навыков и их развитии см. [Казаковская 2011: 95–113].

Диэг. 3а. Конверсационные вопросительные повторы

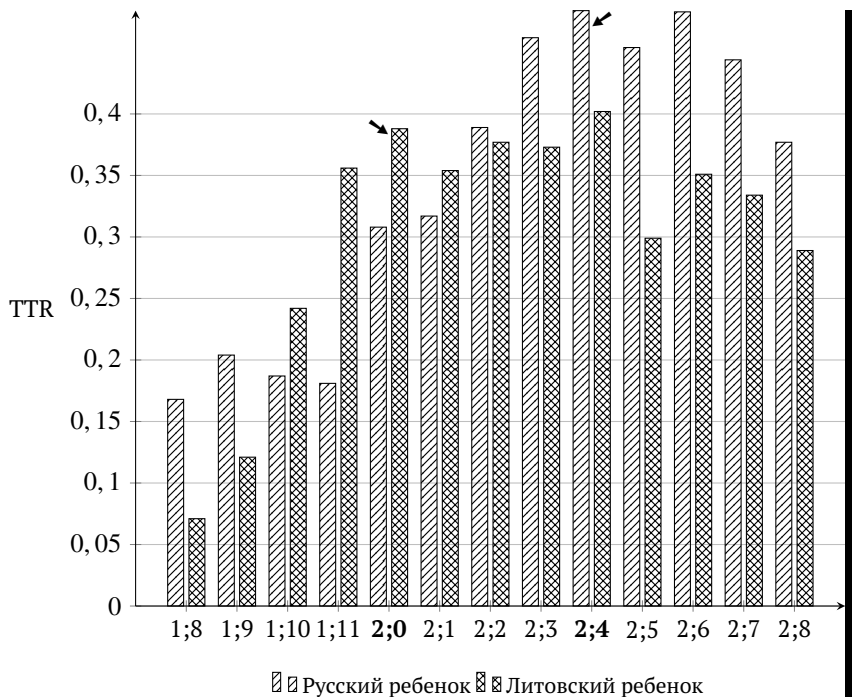

Диэг. 3б. Метадискурсивные вопросительные повторы

Диagr. 4. Соотношение форм слов и словоупотреблений в речи детей

4.3.1. Повторы-расширения являются наиболее многочисленной группой вопросительных реакций в обоих корпусах ($\approx 40\%$) (Диаграмма 2). При этом и в русских, и в литовских данных отчетливо доминируют повторы, выполняющие конверсационную функцию (рус. — 99%, лит. — 96%). Конверсационные повторы-расширения могут быть охарактеризованы как реплики, дополняющие детское высказывание новыми семантическими элементами и подталкивающие ребенка к развитию темы диалога:

(16) 1;8

Ребенок: Папа.

Взрослый: Папа кушал из тарелочки?

(17) 2;8

Взрослый: Ты акуленок?

Ребенок: Нет, акула.

Взрослый: Большая акула?

Ребенок: Да.

На первый взгляд, расширения рассматриваемого типа кажутся одинаковыми как в начале (16), так и в конце (17) периода наблюдений, тем не менее разница между ними все же присутствует. Так, когда ребенок может продуцировать только однословные высказывания (**голофразы**), его взрослый собеседник вынужден добавлять больше новой информации к произнесенному, чтобы расширить, а зачастую и «перевести» голофразу на нормативный («взрослый») язык, в то время как позднее, когда ребенок находится на стадии многословных высказываний, объем информации, добавляемой взрослым, существенно уменьшается. В это время расширения напоминают, скорее, модификацию детской реплики, чем ее буквальный «перевод» на конвенциональный язык.

Метадискурсивные повторы-расширения представляют собой «переводы» несовершенных детских голофраз на семантически и синтаксически адекватный язык взрослых, осуществляемые путем восполнения предполагаемой и / или возможной в данной ситуации конструкции. Анализ показал, что в обоих корпусах детские реплики могут расширяться за счет добавления не только знаменательных частей речи (имен (6), глаголов (18)–(19), модальных предикативов (20)), но и служебных (предлогов (18), (21) и союзов (22)):

(18) 2;0

Взрослый: *Saulutė šviečia.* ‘Солнце:DIM светит.’

Ребенок: *Akytė.* ‘Глаз:DIM.’

Взрослый: *Į akytę šviečia?* ‘В глаз светит?’

(19) 2;7

Ребенок: *Какие еще?*

Взрослый: *Какие еще есть?*

(20) 2;0

Ребенок: *Pasitikti.* ‘Встретить.’

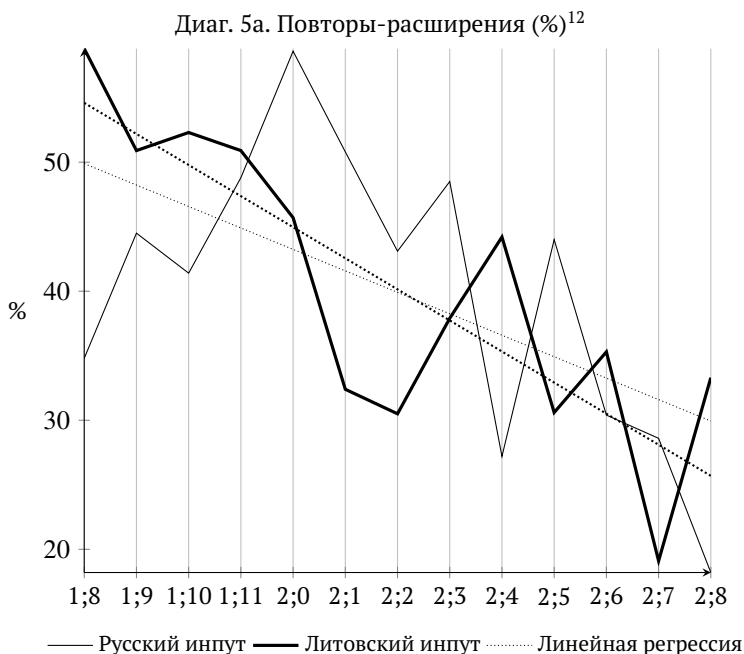
Взрослый: *Pasitikti reikia?* ‘Встретить надо?’

(21) 2;4

Взрослый: *Собачка куда поедет?*

Ребенок: *Парк [pak].*

Взрослый: *В парк?*

(22) 2;1

Взрослый: *Kam tu tą rankšluostį grauži dabar? Ką?* ‘Почему ты это полотенце жжешь? А?’

Ребенок: *Gražu [gažu] būtu.* ‘Красиво было бы.’

Взрослый: *Kas būtu? Ai, kad būtu gražu? Kad būtu gražu? Taip? ‘⟨...⟩ А, чтобы было красиво? Чтобы было красиво? Да?’*

Распределение повторов-расширений взрослого обнаруживает устойчивое снижение их частотности к концу третьего года жизни ребенка в обоих корпусах (Диаграмма 5a).

4.3.2. Эхо-повторы занимают второе по численности место в сфере вопросительных реплик в литовском корпусе и третье — в русском (Диаграмма 2). Большинство подобных реакций взрослого выполняет конверсационную функцию (рус. — 80 %, лит. — 73 %). С помощью конверсационных эхо-повторов взрослый побуждает ребенка к продолжению общения:

¹² Здесь и далее имеется в виду % от общего количества реплик-повторов взрослого.

(23) 2;8

Взрослый: *Ateik pas mane, pašnekèsim. Apie laukučį, ką dar matèm.* 'Подойди ко мне, поговорим. О прогулке, что еще видели.'

Sit: *Моника не хочет говорить.*

Ребенок: *Ne. Nieko nematèm.* 'Нет. Ничего не видели.'

Взрослый: *Nieko nematèm?* 'Ничего не видели?'

Между тем в наших данных зафиксировано и некоторое количество метадискурсивных разновидностей буквальных повторов. Наблюдения показывают, что в общении с детьми, находящимися на ранних этапах речевого онтогенеза, родители могут повторить фонетически или даже грамматически некорректное высказывание ребенка. В нижеследующем диалогическом единстве глагольная форма, использованная в детской реплике, не только несовершенна в фонетическом плане, но и ошибочна с точки зрения грамматики диалога, требующей мены лица при ответе¹³:

(24) 1;10

Взрослый: *Makaronų nori?* 'Макароны хочешь?'

Ребенок: **Nenori* [nenioli]. '*Не хочешь.2SG'

Взрослый: **Nenioli?* 'Не хочешь?'

Эхо-повтор взрослого оказывается здесь весьма уместным, поскольку восстанавливает нарушение канонического реплицирования. Позднее, когда ребенок становится способным продуцировать более сложные в конструктивном отношении высказывания, взрослые могут повторить реплику целиком (либо ее большую часть) — в том случае, если она неясна или нелогична:

(25) 2;8

Ребенок: *Noji* [nori], *kad išlįstų kompotas.* 'Хочешь, чтобы вылез компот.'

Взрослый: *Nori, kad išlįstų kas?* 'Хочешь, чтобы вылез кто?'

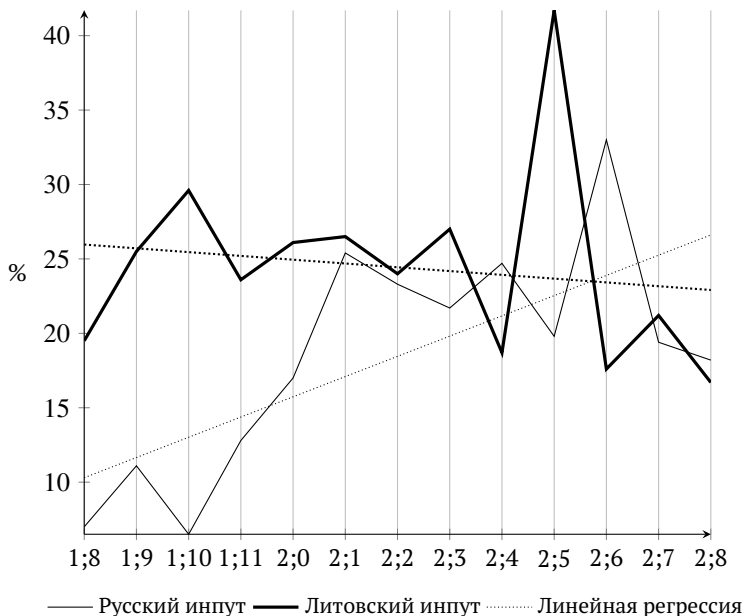
Ребенок: *Kompotas.* 'Компот.'

Взрослый: *Kompotas?* 'Компот?'

---

¹³ Ошибки ребенка, связанные с неконвенциональным употреблением глагола, рассматриваются в [Казаковская 2010b: 23 и сл., 2013: 274 и сл.].

Диagr. 56. Эхо-повторы

В русском инпуте к концу периода наблюдений эхо-реплики становятся более частотными, тогда как в литовском — они незначительно уменьшаются (Диaгpамма 56). «Пики» в их использовании отмечены в середине третьего года жизни детей (рус. — 2;6, лит. — 2;5).

4.3.3. Повторы-реформуляции являются второй по численности группой вопросительных реакций в русском инпуте и третьей — в литовском (Диaгpамма 2). Доминирующие в обоих корпусах разговорные разновидности (рус. — 88 %, лит. — 84 %) представляют собой перефразирование предыдущего высказывания ребенка:

(26) 2;1

Взрослый: *Dabar sukasi ta kasetė, mhm.* ‘Теперь крутится эта кассета.’

Ребенок: *Čia Monikutė sukasi, šneka.* ‘Здесь Моника:DIM крутится, говорит.’

Взрослый: *Tu sakai, kad ten Monikutė sukasi, šneka?* ‘Ты сказала, что там Моника:DIM крутится, говорит?’

(27) 2;8

Ребенок: *Такой домик ?у акулы / акулий [akulis'].*

Взрослый: *Акулий домик?*

В отличие от конверсационных эхо-повторов, характер реформуляций рассматриваемого прагматического типа неизменен как в начале, так и в конце периода наблюдений, за исключением, впрочем, одного отличия. Если на этапе голофразиса взрослый реформулирует однословное высказывание ребенка (например, заменяет ономотопею на соответствующую нормативную лексику (45)–(46)), то в период многословных высказываний реформулированию подвергается не лексема, а целая реплика. Это может происходить, в частности, в результате изменения порядка слов.

Метадискурсивные разновидности реформуляций претерпевают изменения в соответствии с возрастом ребенка, уровнем развития его системно-языковых навыков и характером ошибок [Казаковская 2010b; Kazakovskaya (in press) b]. Анализ показал, что и в русском, и в литовском инпуте используются несколько типов метадискурсивных реформуляций — грамматические, лексические, лексико-грамматические и так наз. кодовые (см. ниже п. 4).

Общая динамика в функционировании реформуляционных повторов отражает их заметное снижение в русском инпуте и некоторое увеличение в литовском (Диаграмма 5в).

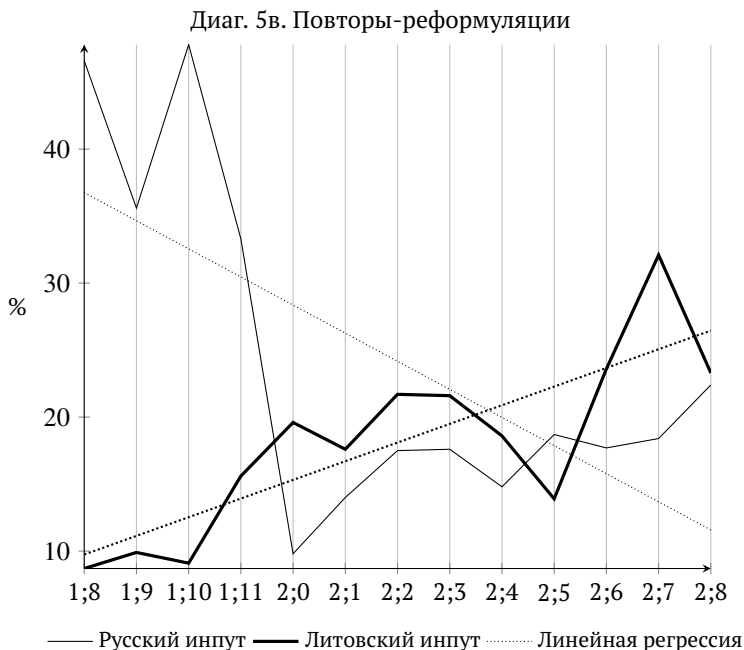
1. Эволюция **грамматических** (главным образом, морфологических) реформуляций взрослого может быть охарактеризована следующим образом. Во время преморфологической стадии речевого развития (см. п. 2) так наз. нулевые морфемы (*zero morphemes*) получают материальное выражение в результате их реформулирования взрослым собеседником ребенка. Поскольку и русский, и литовский языки флективно богаты, метареакции данного типа в основном направлены на построение формы слова (28), в том числе с использованием в качестве основы детского **протослова** (29):

(28) 2;4

Взрослый: *Опять с машинами.*

Ребенок: *Новые [poi].*

Взрослый: *С новыми, да?*

- (29) 1;8
 Ребенок: *Puti*. 'Капуста.'
 Взрослый: *Kopūstas?* 'Капуста?'

С появлением в речи ребенка **преморфем** (или филлеров — *fillers*) они реформулируются взрослыми в аффиксы — флексии (30)–(31) и префиксы (32), а также в части речи — предлоги (33)–(34) и личные местоимения (35):

- (30) 2;1
 Ребенок: **Груза.FEM* [gulʃa].
 Взрослый: *Груз?*

- (31) 1;10
 Ребенок: *Čia langas* [janɡa]. 'Это окно.'
 Взрослый: *Čia langas?* 'Это окно?'

- (32) 1;11
 Ребенок: *Ir galvą uždėsime* [adėsime]. 'И голову положим.'
 Взрослый: *Ir galvą uždėsime?* 'И голову положим?'

- (33) 2;4
Взрослый: *Стишки какие будем читать?*
Ребенок: *Про [а] безиню@CSF про [а] большую.*
Взрослый: *Про большую машину?*
- (34) 2;0
Ребенок: *Ķ [а] Biržus atvažīavome. 'В Биржаи приехали.'*
Взрослый: *Ķ Biržus atvažīavome? 'В Биржаи приехали?'*
- (35) 1;8
Ребенок: *Kas [s] čia? 'Что здесь?'*
Взрослый: *Kas čia? 'Что здесь?'*

После 2;2, когда происходит некоторое расширение начального детского грамматического репертуара, взрослые начинают реформулировать простых в словообразовательном отношении слов в более сложные (36)–(38) и, напротив, меняют более сложные (и порой грамматически избыточные) лексемы на более простые (39)–(40). Подавляющее большинство таких реформуляций относится к использованию аффиксов, а именно именных суффиксов с диминутивной семантикой (37)–(38) и аффиксов с семантикой глагольного вида или способа действия (39)–(40):

- (36) 2;2
Взрослый: *А ты где сейчас находишься? Не дома?*
Ребенок: *У бабы.*
Взрослый: *У бабушки?*
- (37) 2;6
Взрослый: *Ты кто у нас сегодня, Ваня?*
Ребенок: *Заяц [zʲatʲ].*
Взрослый: *Зайчик?*
- (38) 2;1
Ребенок: *Liežuvis. 'Язык.'*
Взрослый: *Liežuvēlis? 'Язык:DIM?'*
- (39) 2;3
Ребенок: *Коляска вот так ?сделала / сделает [zdeii].*
Взрослый: *Вот так делает?*

(40) 2;3

Ребенок: *Pašnekėk apie vyšnias.* 'Поговори о вишнях.'

Взрослый: *Šnekėk apie vyšnias?* 'Говори о вишнях?'

С началом усвоения ребенком сложных категорий (в частности, рода существительных, наклонения и времени глаголов) в речи взрослого появляются реформуляции, связанные с экспликацией определенной грамматической семантики:

(41) 2;6

Ребенок: *Делай.*

Взрослый: *Сделать?*

(42) 2;1

Ребенок: *Atrask [atask] pinigėlius.* 'Найди деньги:DIM.'

Взрослый: *Pinigėlius atrasti?* 'Деньги:DIM найти?'

Наконец, грамматическому реформулированию может подвергаться порядок слов, несмотря на то обстоятельство, что в обоих языках он является гибким:

(43) 2;5

Взрослый: *Еще один грузовичок приехал. Их у тебя много и все разного+.*

Ребенок: *Был [bij] еще один.*

Взрослый: *Еще один был?*

(44) 2;4

Взрослый: *Monika, o ką darysim, kai pavalgysim?* 'Моника, а что будем делать, когда покушаем?'

Ребенок: *Rinksim [jinksim] drabužiukus [dabužiukus].* 'Будем собирать одежду:DIM.'

Взрослый: *Drabužiukus rinksim?* 'Одежду:DIM будем собирать?'

2. Наиболее ранние **лексические** реформуляции взрослых связаны с использованием детьми ономатопей, составляющих значительную часть начального детского лексикона в любом языке мира [Фергюсон 1975]. Взрослые реформулируют подобные звукоподражания-голофразы, «превращая» их в соответствующие имена и глаголы:

(45) 1;8
Ребенок: *Брууу@ONOM o@unclear.*
Взрослый: *Машинка там?*

(46) 1;8
Ребенок: *Vam@ONOM.*
Взрослый: *Kamuoliai? 'Мячи?'*

Кроме того, дети часто используют «генетически» лепето-подобные слова из репертуара «языка нянь» (*baby talk* — ВТ) [Цейтлин 2000: 24–35; Гаврилова 2002]. Так, и литовские, и русские дети говорят *ляля* о кукле, а словом *ням-ням* обозначают свое желание поесть или что-то вкусное. И если на ранних этапах речевого развития такие слова закономерно «предлагаются» ребенку языком нянь (и с легкостью «принимаются» взрослым в диалоге), то позднее они последовательно заменяются на конвенциональные языковые единицы путем реформулирования детской фразы:

(47) 1;9
Ребенок: *Nen' nen'. 'Ням-ням@ВТ'*
Взрослый: *Nen' nen'? Skanu? 'Ням-ням@ВТ? Вкусно?'*

К этому типу реплик относятся и реформуляции специфически детских слов:

(48) 2;3
Ребенок: *В яме безини@CSF.*
Взрослый: *Машины?*

Наконец, в отдельных случаях реформуляции касаются сферы синонимических замен:

(49) 2;7
Ребенок: *Я собираю это смешное [fisjoe].*
Взрослый: *Что ты собираешь?*
Ребенок: *Смешное [fisjoe].*
Взрослый: *Веселое?*

Полагаем, что функция реплики взрослого в таких случаях (49) — не только расширение детского лексикона, но и попытка формирования одного из аспектов системных связей в лексике.

3. Большинство реформуляций **лексико-грамматического** типа представляет собой «редактирование» высказываний ребенка,

содержащих отрицание. Так, в раннем возрасте для выражения отрицания либо несогласия дети используют негатор *нет* ([e~a]) и (под.), помещая его в конец фразы:

- (50) 2;10
 Ребенок: *Белые [beii] *нет* [e~a].
 Взрослый: *Белых не было?* <о грибах. — В. К.>
- (51) 2;1
 Взрослый: *Ну, давай, рассказывай мне.*
 Ребенок: *Длинную* [dinnu] *нет* [e~a].
 Взрослый: *Не длинную?*
- (52) 1;10
 Ребенок: *Galva* [gava] *ne*. ‘Голова нет.’
 Взрослый: *Galva nešlapia?* ‘Голова не мокрая?’

Другим случаем реакций рассматриваемого типа является отмеченная в русском корпусе реформуляция сложных прилагательных:

- (53) 2;1
 Взрослый: *Какая машина это? Какого цвета, не знаешь?*
 Ребенок: *Темная* [tjomma]. *Бруу@ОНОМ темная* [tjomma].
Синяя [sinja].
 Взрослый: *Темно-синяя, да?*

Попытка создания композита, безусловно, свидетельствует об осуществляющемся в сознании ребенка процессе языковой категоризации в сфере признаков слов¹⁴.

4. Многочисленные **кодовые** реформуляции (*code reformulations*), отмеченные в литовском инпуге, отражают ситуации последовательной замены родителями девочки диалектных слов и / или форм их кодифицированными вариантами:

- (54) 1;8
 Ребенок: *Nieka*. ‘Ничего@DIAL.’
 Взрослый: *Nieko?* ‘Ничего?’

¹⁴ Усвоение цветowych прилагательных русскими и литовскими детьми получило освещение в [Kazakovskaya et al. 2013], онтогенез номинативных композитов в русской детской речи анализируется в [Argus, Kazakovskaya 2013; Kazakovskaya (in press) a; Казаковская, Сизова 2015].

(55) 1;8

Ребенок: *Balu.* ‘Лужу@DIAL.’

Взрослый: *Balq?* ‘Лужу?’

В русском корпусе подобные реформуляции отсутствуют, поскольку в наблюдаемой семье диалектизмы не использовались.

4.3.4. *Фокусированные повторы* не принадлежат к распространенным типам вопросительных реакций ни в одном из корпусов (Диаграмма 2). Между тем преобладающие здесь конверсационные разновидности реплик (рус. — 74 %, лит. — 87 %) выделяют семантически значимый фрагмент детского высказывания:

(56) 2;8

Ребенок: *Давай делать такую палочку* [rais'ku].

Взрослый: *Палочку?*

Фокус-повторы могут использоваться взрослым и в ситуациях, когда ребенок не поддерживает начатую тему (как того требовал бы принцип кооперации Грайса [1985]), а переходит к новой, то есть, по сути, меняет тему (*topic shift*) либо начинает другую микротему:

(57) 2;2

Ребенок: *Kojos plikos.* ‘Ноги голые.’

Взрослый: *A, kojos tēčio plikos. Kojos.* ‘А, папины ноги голые. Ноги.’

Ребенок: *Liusė ne plika.* ‘Люся не голая.’

Сот: *Люся — кукла девочки.*

Взрослый: *Liusė?* ‘Люся?’

Повторы нового топика можно интерпретировать не только как реакцию взрослого на нарушение правил диалога, но и как на попытку удостовериться в том, что ребенок действительно хотел бы говорить о другом.

Метадискурсивные фокус-повторы соотносятся, главным образом, со словами или фразами ребенка, которые были недостаточно ясны взрослому:

(58) 2;8

Ребенок: *От [i] льва [iva] убежала [ubizjaja] она.*

Взрослый: *От льва убежала?*

(59) 1;10

Взрослый: *Teta ką daro?* ‘Тетя что делает?’

Ребенок: *Teta sėdi* [šide]. ‘Тетя сидит.’

Взрослый: *Sėdi?* ‘Сидит?’

Характеризуя общую динамику в использовании фокус-повторов, отметим, что на начальных этапах такие реплики отсутствуют (до 1;10 в литовском инпуте и до 2;0 в русском), однако позднее их частотность увеличивается (Диаграмма 5г).

4.3.5. Повторы-коррекции в анализируемых корпусах являются самой немногочисленной группой реакций. Главенствующие здесь разговорные разновидности (рус. — 85%, лит. — 95%) относятся к содержательной стороне детской реплики: они показывают ее несоответствие реальному положению дел:

(60) 2;8

Ребенок: *Na [a] dervu zalezla [zaezja] akuła.*

Взрослый: *Акула на дерево залезает? Разве акула может залезть на дерево?*

(61) 2;4

Взрослый: *Monika dabar knygutę varto, taip? Mamytės knygutę varto. O ką mamytė daro? ‘Моника сейчас книжку листает, да? Мамину книжку листает. А что мама:DIM делает?’*

Ребенок: *Sėdi. ‘Сидит.’*

Взрослый: *Argi sėdi, Monika? ‘Разве сидит, Моника?’*

Вопросительная форма корректирующей реплики, в отличие от невопросительной [Казаковская 2010b], предоставляет ребенку возможность для осмысления ситуации и последующего самоисправления.

С помощью метадискурсивных повторов рассматриваемого типа исправляются грамматически или лексически ошибочные высказывания ребенка, что также происходит в завуалированной (непрямой) манере:

(62) 2;4

Ребенок: **Колесы [koesi] сломал [sjama:j].*

Взрослый: *Сломал колеса?*

(63) 1;10

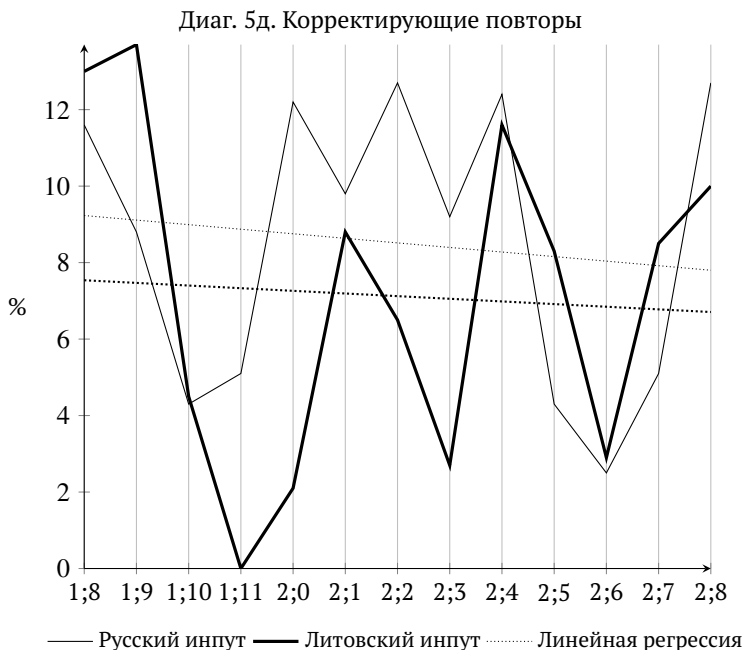
Ребенок: *Jeika [reikia] *lelė. ‘Хочу *кукла.NOM.’*

Взрослый: *Reikia lelės? ‘Хочешь куклу?’ (букв. ‘Нужно кукла.GEN?’)*

В целом к концу наблюдений частотность корректирующих повторов взрослого в обоих языках незначительно уменьшается (Диаграмма 5д).

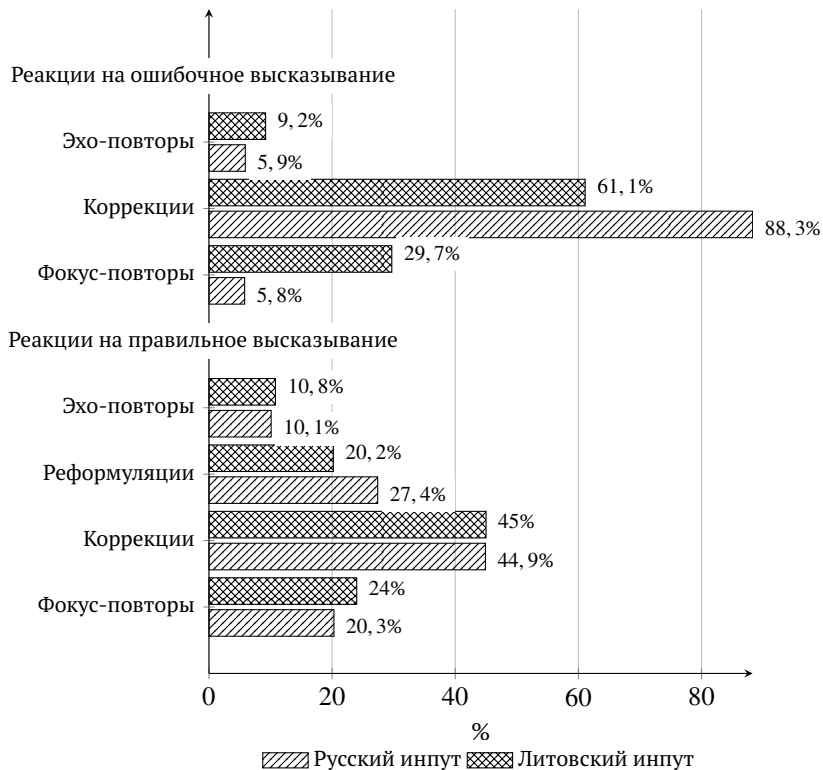
4.4. Соотношение повторов взрослого и правильных / ошибочных реплик ребенка

В заключение коснемся вопроса о соотношении вопросительных повторов взрослого с правильной (*adult-like*) или ошибочной продукцией ребенка, важного в связи с упоминавшейся ранее проблемой изучения отрицательного инпута. Анализ реакций взрослого на **правильную** речевую продукцию обоих детей показал, что и в русском, и в литовском инпуте преобладает такая структурная разновидность повтора, как расширение (Диаграмма 6). Далее в русскоязычном материале за ней следуют повторы-реформуляции,

эхо-повторы и фокусированные повторы. В литовских данных выявлено несколько иное распределение — второе место принадлежит эхо-повторам. В реакциях русского и литовского взрослых на **ошибочные** (или неполные) реплики ребенка доминируют коррекции, однако в русском корпусе менее частотными оказываются фокусированные повторы, тогда как в литовском — буквальные. На наш взгляд, существенно то, что в обоих случаях структурные предпочтения одинаковы — ими являются повторы-расширения в ответ на правильное и повторы-коррекции в ответ на ошибочное. Показателен и тот факт, что оба взрослых не склонны расширять в том или ином отношении неправильное высказывание ребенка, то есть использовать его как основу для своей (в известном смысле «образцовой») реплики. Таким образом, есть основания утверждать, что характер реактивной реплики взрослого обусловлен характером инициативной (стимулирующей) реплики ребенка.

Диал. 6. Структурные типы повторов взрослого vs. правильное / ошибочное высказывание ребенка

5. Заключение

Сопоставительное исследование русского и литовского инпута обнаружило сходства в коммуникативном поведении взрослых, заключающиеся в прагматической направленности реакций, структурном разнообразии наиболее частотных реплик-повторов и в общей динамике их функционирования в раннем диалоге. Доминирующими оказались повторы, выполняющие конверсационную функцию. Оба взрослых (независимо от возраста, уровня образования, родственного статуса по отношению к ребенку и, наконец, его пола) интуитивно предпочли реплики, поддерживающие общение и тем самым развивающие собственно коммуникативные (диалогические) навыки ребенка. В структурном репертуаре реплик преобладали модифицированные разновидности повтора, а именно реакции, семантически и грамматически до-

полняющие предыдущее детское высказывание (расширения) либо «редактирующие» его (реформуляции). Близкие реактивные стратегии показали русский и литовский взрослые и по отношению к правильной/ошибочной речевой продукции детей: если в первом случае наиболее частотной реакцией было расширение, то во втором преобладала коррекция, несмотря на то обстоятельство, что корректирующие метаповторы были одинаково нечастотны.

Отвечая на основной вопрос предпринятого исследования, мы склонны думать, что избыточным ранний диалог с ребенком кажется только на первый взгляд: анализ коммуникации в диадах показывает, что избыточность обусловлена «метаязыковой» (лингводидактической, интуитивно обучающей) природой общения с ребенком [Фергюсон 1975: 432; Цейтлин 2001; Казаковская 2011: 46 и сл.]. Более того — по-настоящему избыточные элементы к концу третьего года жизни (то есть к тому времени, когда, по мысли А. Н. Гвоздева [1961], ребенок усваивает родной язык в основных чертах) покидают диалог. Установлено, что в обоих корпусах у большинства разновидностей повтора (расширений, коррекций, а также реформуляций (в русском инпуде)) снижается частотность использования. Эволюция повторов в инпуде отражает то, как взрослые приспособляются (*fine-tuning*) к изменяющейся компетенции ребенка и ее особенностям — временным или индивидуальным. Так, увеличение доли фокус-повторов и реформуляций в речи литовской матери было связано с заменой диалектных слов, а увеличение эхо-повторов в речи русской бабушки во многом определялось необходимостью фонетической «шлифовки» детских реплик. Наконец, функциональная оправданность повторов подтверждается и тем обстоятельством, что до определенного времени эти реплики не могут быть элиминированы из структуры диалога без ущерба для успешной коммуникации с ребенком¹⁵.

Список условных сокращений

СДВ — средняя длина высказывания (в словах); рус. — русский инпуд; лит. — литовский инпуд; BT — baby talk (слова языка нянь); CDS — child-directed speech (речь взрослого, обращенная к ребенку); Com — комментарий; CSF — child-specific forms (слова и выражения, изобретенные

¹⁵ Анализ коммуникативных неудач в диалоге «взрослый — ребенок» представлен в [Казаковская 2011: 364–380].

ребенком и/или употребляемые в семье); DIAL — диалектизм; DIM — диминутив; GEN — родительный падеж; INF — инфинитив; MLU — mean length of utterance (средняя длина высказывания в морфемах); NOM — именительный падеж; ONOM — ономотопея; Sit — коммуникативная ситуация; TTR — type/token ratio; REFL — возвратная форма глагола.

Литература

- Арутюнова 1992 — Н. Д. Арутюнова. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М.: Наука, 1992. С. 40–51.
- Воейкова 2004 — М. Д. Воейкова. Качитативные семантические комплексы и их выражение в современном русском языке и в детской речи. Дисс. ... докт. филол. наук. ИЛИ РАН, Санкт-Петербург., 2004.
- Воейкова 2015 — М. Д. Воейкова. Становление имени: Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2015.
- Гаврилова 2002 — Т. О. Гаврилова. Регистр общения с детьми: структурный и социолнгвистический аспекты (на материале русского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. Европейский университет в Санкт-Петербурге — СПбГУ, Санкт-Петербург., 2002.
- Гагарина 2008 — Н. В. Гагарина. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб.: Наука, 2008.
- Гвоздев 1961 — А. Н. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
- Грайс 1985 — Г. П. Грайс. Логика и речевое общение // Е. В. Падучева (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Казаковская 2004 — В. В. Казаковская. Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый — ребенок» // Вопросы языкознания 2, 2004. С. 89–110.
- Казаковская 2007 — В. В. Казаковская. Семантическая типология вопросо-ответных единств: ранние этапы речевого онтогенеза // С. Н. Цейтлин (отв. ред.). Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор, 2007. С. 359–383.
- Казаковская 2010a — В. В. Казаковская. Модусные вопросы (к проблеме избыточности) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VI, 2, 2010. С. 225–242.
- Казаковская 2010b — В. В. Казаковская. Реактивные реплики взрослого и усвоение ребенком грамматики родного языка // Вопросы языкознания 3, 2010. С. 3–29.
- Казаковская 2011 — В. В. Казаковская. Вопрос и ответ в диалоге «взрослый — ребенок». 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2011.

- Казаковская 2012 — В. В. Казаковская. Реплики-повторы взрослого в диалоге с ребенком // Н. А. Герасименко (отв. ред.). Рациональное и эмоциональное в русском языке: Международный сборник научных трудов. М.: МГОУ, 2012. С. 208–213.
- Казаковская 2013 — В. В. Казаковская. Классификация реплик взрослого в диалоге с ребенком // А. В. Бондарко, В. В. Казаковская (ред.). Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 402–430.
- Казаковская, Балчюниене 2011 — В. В. Казаковская, И. Балчюниене. Особенности речи взрослого, обращенной к ребенку: Вопросительные реплики в русском и литовском языках // Исследования по славянским языкам 16–21, 2011. С. 259–292.
- Казаковская, Сизова 2015 — В. В. Казаковская, О. Б. Сизова. Сложные слова в онтогенезе и дизонтогенезе: корпусные и экспериментальные исследования // СПб.: ИЛИ РАН, 2015. С. 94–98. (http://iling.spb.ru/confs/ontoling2015_abstracts.pdf)
- Фергюсон 1975 — Ч. Фергюсон. Автономная детская речь в шести языках // Н. С. Чемоданов (ред.). Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 422–440.
- Цейтлин 2000 — С. Н. Цейтлин. Язык и ребенок: лингвистика детской речи. М.: Владос, 2000.
- Цейтлин 2001 — С. Н. Цейтлин. Некоторые особенности диалога «взрослый — ребенок»: функции реплик-повторов // Ребенок как партнер в диалоге. Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике. Вып. 2. СПб.: Союз, 2001. С. 9–24.
- Шведова 1956 — Н. Ю. Шведова. К изучению русской диалогической речи: Реплики-повторы // Вопросы языкознания 2, 1956. С. 67–83.
- Шведова 1960 — Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Ambridge, Lieven 2011 — B. Ambridge, V. M. E. Lieven. Child language acquisition. Contrasting theoretical approaches. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Argus, Kazakovskaya 2013 — R. Argus, V. Kazakovskaya. Acquisition of compounds in Estonian and Russian: Frequency, productivity, transparency and simplicity effect // Estonian papers in applied linguistics 9, 2013. P. 23–42.
- Balčiūnienė 2009 — I. Balčiūnienė. Analysis of conversational structure from the perspective of language acquisition. PhD Thesis. Vytautas Magnus University, Kaunas, 2009.
- Chouinard 2003 — Chouinard M., E. Clark. Adult reformulations of child errors as negative evidence // Journal of child language 30 (3), 2003. P. 637–669.
- Dale et al. 2015 — P. S. Dale, M. G. Tosto, M. E. Hayiou-Thomas, R. Plomin. Why

- does parental input style predict child language development? A twin study of gene-environment correlation // *Journal of communication disorders* 57, 2015. P. 106–117.
- Demetras et al. 1986 — M. Demetras, K. Post, C. Snow. Feedback to first language learners the role of repetitions and clarification questions // *Journal of child language* 13 (2), 1986. P. 275–292.
- Dressler 2007 — W. U. Dressler. Introduction // S. Laaha, S. Gillis (eds.). *Typological perspectives on the acquisition of noun and verb morphology [Antwerp papers in linguistics 112]*. Antwerp: Universiteit Antwerpen, 2007. P. 3–9.
- Dressler et al. 2006 — W. U. Dressler, M. Kilani-Schoch, I. Balčiūnienė, K. Korecky-Kröll, S. Laaha. The learnability of morphology is due to positive and negative evidence. Adult reactions to children's development of French, Lithuanian and German inflection. Paper presented in the 12th International morphology meeting. Workshop on acquisition and impairments of inflectional morphology. Hungarian Academy of Sciences, Budapest, 25–28 May 2006.
- Ferguson 1978 — C. A. Ferguson. Talking to children: a search for universals // J. H. Greenberg (ed.). *Universals of human languages*. Vol. 1. Stanford, CA: Stanford University Press, 1978. P. 203–234.
- Gallaway, Richards 1994 — C. Gallaway, B. Richards (eds.). *Input and interaction in language acquisition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Hoff 2006 — E. Hoff. How social context support and share language development // *Developmental review* 26, 2006. P. 55–88.
- Johnston, Wong 2002 — J. R. Johnston, M. Y. A. Wong. Cultural differences in beliefs and practices concerning talk to children // *Journal of speech, language, and hearing research* 45, 2002. P. 916–926.
- Kamandulytė 2009 — L. Kamandulytė. *Lietuvių kalbos būdvardžio įsisavinimas: leksinės ir morfosintaksinės ypatybės [Усвоение прилагательных в литовском языке: лексические и морфосинтаксические особенности]*. PhD Thesis. Vytauto Didžiojo Universitetas, Kaunas, 2009.
- Kazakovskaya, Balčiūnienė 2012a — V. Kazakovskaya, I. Balčiūnienė. Interrogatives in Russian and Lithuanian child-directed speech: Do we communicate with our children in the same way? // *Journal of Baltic studies* 43 (2), 2012. P. 197–218.
- Kazakovskaya, Balčiūnienė 2012b — V. Kazakovskaya, I. Balčiūnienė. Lithuanian and Russian child-directed speech: Why do we ask young children so many questions? // *Estonian papers in applied linguistics* 8, 2012. P. 69–89.
- Kazakovskaya (in press)a — V. V. Kazakovskaya. Acquisition of nominal compounds in Russian // W. U. Dressler et al. (eds.). *Nominal compound acquisition*. John Benjamins, in press.

- Kazakovskaya (in press)^b — V. V. Kazakovskaya. Feedback in verb acquisition: Evidence from Russian 'adult — child' interaction // S. Kern et al. (eds.). The role of input in language acquisition. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, in press.
- Kazakovskaya et al. 2013 — V. V. Kazakovskaya, L. Kamandulytė-Merfeldienė, I. Balčiūnienė. Language and colour in developmental perspective: Evidence from Balto-Slavic languages // The 1st International Forum on Cognitive Modeling (IFCM-2013). Milano-Marittima. Milano-Marittima — Rostov-on-Don: Southern Federal University Press, 2013. P. 108–112.
- Kern et al. (eds.) (in press) — S. Kern et al. (eds.). The role of input in language acquisition. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, in press.
- Kilani-Schoch et al. 2008 — M. Kilani-Schoch, I. Balčiūnienė, K. Korecky-Kröll, S. Laaha, W. U. Dressler. On the role of pragmatics in child-directed speech for the acquisition of verb morphology // Journal of pragmatics 41 (2), 2008. P. 219–239.
- Lieven 1994 — E. V. M. Lieven. Crosslinguistic and crosscultural aspects of language addressed to children // C. Gallaway, B. Richards (eds.). Input and interaction in language acquisition. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 56–73.
- MacWhinney 2000 — B. MacWhinney. The CHILDES Project: Tools for analyzing talk. Hillsdale, NJ — London: Lawrence Erlbaum Ass., publ., 2000.
- Ochs, Schieffelin (eds.) 1986 — E. Ochs, B. B. Schieffelin (eds.). Language socialization across cultures. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Ochs, Schieffelin 1995 — E. Ochs., B. B. Schieffelin. The impact of language socialization on grammatical development // P. Fletcher, B. MacWhinney (eds.). Handbook of child language. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 73–94.
- Rowe 2012 — M. L. A. Rowe. Longitudinal investigation of the role of quantity and quality of child-directed speech in vocabulary development // Child development 83, 2012. P. 1762–1774.
- Savickienė 1997 — I. Savickienė. Komunikacija ir pokalbis ankstyvoje vaikystėje [Коммуникативное взаимодействие и диалог в раннем возрасте] // Darbai ir dienos 5 (14), 1997. S. 45–51.
- Saxton 1997 — M. Saxton. The contrast theory of negative input // Journal of child language 24 (1), 1997. P. 139–161.
- Saxton et al. 2005 — M. Saxton, P. Backley, C. Gallaway. Negative input for grammatical errors: Effects after a lag of 12 weeks // Journal of child language 32 (3), 2005. P. 643–672.
- Saxton et al. 1998 — M. Saxton, B. Kulcsar, G. Marshall, M. Rupra. Longer-term effects of corrective input: An experimental approach // Journal of child language 25 (3), 1998. P. 701–721.

- Snow 1972 — C. E. Snow. Mother's speech to children leaning language // *Child development* 43, 1972. P. 549–565.
- Snow 1995 — C. E. Snow. Issues in the study of input: Finetuning, universality, individual and developmental differences, and necessary causes // P. Fletcher, B. MacWhinney (eds.). *Handbook of child language*. Oxford: Oxford, 1995. P. 180–193.
- Snow 2014 — C. E. Snow. Input to interaction to instruction: three key shifts in the history of child language research // *Journal of child language* 41 (1), 2014. P. 117–123.
- Snow, Ferguson (eds.) 1977 — C. E. Snow, C. A. Ferguson (eds.). *Talking to children. Language input and acquisition*. Cambridge: University Press, 1977.
- Tulviste 2002 — T. Tulviste. *Language socialization across socio-cultural contexts*. Stockholm: Stockholm University Press, 2002.
- Wójcik 1994 — Wójcik P. Some characteristic features of Lithuanian Baby Talk // *Linguistica Baltica* 3, 1994. P. 71–86.